

Валерия Державина

РУССКИЙ КОТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ • МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д36

Державина, Валерия.
Д36 Русский кот / В. Державина. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 224 с. — (Рассказы рунета).

ISBN 978-5-17-177835-4

Валерия Державина — филолог, журналистка, писательница. «Русский кот» — дебютный роман.

Эта книга будет интересна не только тем, кто покидал родную страну или мечтал об этом, но и тем, кто переживал кризис и испытывал чувства «я не на своем месте». Она также привлечет внимание тех, кто знаком с историей поиска себя в профессиях, образованиях и увлечениях.

Однажды ночью Вера просыпается от землетрясения в аэропорту Стамбула. И это только начало потрясений, которые ее ждут, когда она покидает Москву, чтобы исполнить мечту детства.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-177835-4

© Валерия Державина, 2025
© ООО «Издательство АСТ»

может, истинная Монголия
это не здесь
Монголия — ветер и те поля
где мы шли
и пустые дома
в зарослях
(их поля в пыли)
и сухие цветы
и их семена

это когда идешь
и видишь холмы вдали
на холмах высокие крыши
и флаги
и в каждом дворе — цветут персики, вишни

май
начинается лето
Ф. Сваровский

Стамбул, ноябрь, 2022 год

Я — омлет. Повар подбрасывает меня на сковороде без помощи лопатки. Но сначала он приподнимает сковороду с плиты и двигает ею туда-сюда. Вперед-назад. Чтобы омлет отклеился. А после — рывок, низкий полет и сочное приземление обратно на сковородку... Магия. Или мимо, если я уже не омлет, а повар. Но сначала — раз-два, туда-сюда. Сковородка почему-то скрипит, это странно.

Вижу свое беспомощное лицо с закрытыми глазами будто со стороны: оно недовольное, как у ребенка, который вот-вот проснется не по своей воле. Я вижу, как хмурю брови, как отрываю голову от подушки, как откидываю одеяло и сажусь в темноте. Кровать раскачивается вперед-назад и скрипит.

Цепляю телефон с тумбочки: четыре утра. И все бы ничего, но я одна в номере отеля, который находится внутри аэропорта Стамбула, и не могу назвать ни одной причины для такого поведения мебели.

Соседи за стеной? В свете смартфона смотрю на стену. Нет, для того чтобы привести в движение свою кровать, потом стену, а затем мою кровать, нужно приложить явно нечеловеческие усилия. Что

еще? Землетрясение же! Точно. В коридоре почти синхронно хлопнули две двери — жидкие овации самому сообразительному человеку в этой комнате.

«Землетрясение в Стамбуле сейчас», — набираю в поисковике. «Сейчас в Стамбуле происходит землетрясение магнитудой 6». Страшно? Страшно. Где-то в море эпицентр равнодушно подмигивает голубой точкой.

Кровать пару раз скрипнула потише и замолчала.

Очень хочется сидеть тут в оцепенении, но все-таки нужно выйти из номера и начать суетиться. Ну или сесть под стол, как там на ОБЖ учили? Выбираю первое. Встаю с кровати, ударившись об угол, включаю свет. Носки, джинсы, футболка... Ступаю по полу так осторожно, будто от моих передвижений зависит, продолжатся толчки или нет.

Выхожу в тихий, пахнувший пылесосом коридор. И где все люди? Останавливаюсь перед соседской дверью. Стучать? Неловко. А остальным? Дверей много. Или людей уже эвакуировали? Цепляюсь за это не выдерживающее никакой критики предположение и, пытаясь договориться с собой, иду на ресепшен. «Она не была спасительницей людей», — проносится мысль. Спасибо за инфо, внутренний критик, как всегда ничего нового, но ты держи в курсе.

Я знаю, что мне всегда не хватает чего-то, чтобы быть спасительницей хоть кого-то. Времени на то, чтобы не просто увидеть худого щенка из окна машины по дороге в аэропорт, а остановиться, найти его и помочь. Удачного момента, чтобы отдать пенсионеру таблетки, на которые ему не хватило

денег в аптеке, а я ведь стояла в очереди прямо позади него, и все слышала, и купила эти таблетки, но молодая вялая провизорша еле шевелила своими пальцами-макаронинами, а время текло как кисель и неожиданно резвый пенсионер просто ушел — направо, налево, прямо?.. А теперь все эти люди за закрытыми дверями. Какие могут быть отговорки? Трусость? Наверное. Пожалуй, единственная помощь, которую я в состоянии оказать, — это спасение еды в холодильнике от одиночества.

Фокусируюсь на стене в конце длинного коридора, настолько длинного, что здесь нелишним был бы траволатор или гольф-кар. Люблю гольф-кары, они как игрушечные машинки, которые смогли вырасти.

Двигаюсь по коридору все быстрее и быстрее — болезнь жителя большого города. Графитовый пол, графитовые стены, рябой ковролин цвета тошноты и мертвенно-лиловые лампы, прозрачно-зеркальная стена переговорной — это место хотело выглядеть стильно, но ему не хватило внимания к деталям. На стене — фото Эйфелевой башни... серьезно? Эйфелева башня — и ни звука, неужели правда всех эвакуировали? Ну или, может, я умерла и теперь буду торчать в этих графитовых стенах вечно? Миланский собор, какой-то американский мост, опять Эйфелева башня... Позорище.

Так, лифт.

Лифтом пользоваться нельзя, это я точно помню. Ну а я воспользуюсь. Все равно пока тихо. Захожу, нажимаю, поехали. Пахнет пылью и металлом, тренога неприятно колет затылок. Гудение, стук где-то в шахте, затылок колет сильнее, еще и кишки теперь

крутит. Почему так долго? Вспоминаю, как отвлекла во время приступов клаустрофобии в лифте свою подружку Женю. Что мы там делали — пели, дышали, фотографировались в зеркало? Сейчас ситуация, прямо скажем, не располагает. Лифт остановился, дернулся и замер — доехала. Двери открываются прямо напротив двух невозмутимо торчащих за стойкой ресепшена сотрудников отеля.

— Извините, вещь, которая случилась минуты две назад... Вы почувствовали это? — спрашиваю по-английски у брюнетки с ярким макияжем и крупным носом.

— Да, это был небольшой толчок, — отвечает она коротко, подняв глаза от компьютера и тут же опустив их.

— Землетрясение?

— Небольшой толчок, но сейчас все закончилось и мы не ждем толчков больше.

— А что мы должны делать? Я имею в виду... эвакуация, например?

— Нет, эвакуации не будет, мы не ждем толчков больше.

Не ждет она больше толчков, смотрите... Поднимаюсь на лифте и тащусь обратно в номер под скрытое хихиканье десятка Эйфелевых башен. Открыла дверь, села на кровать. Разочарована. Хорошо еще в двери к людям ломиться не стала.

Как я вообще оказалась в Стамбуле? Я летела из Москвы в Мюнхен — в Турции у меня пересадка. Рейс из Москвы задержали на пять часов из-за ледяного дождя. И на один час — из-за идиота, который посчитал, что ледяной дождь — это знак свыше

и ему никак нельзя лететь в Турцию на этом самолете. Знаете ли вы, что происходит, когда один из пассажиров, уже сидящий в самолете, отказывается лететь? Как минимум самолет обыскивают с собакой. В общем, я опоздала на стыковой рейс до Мюнхена, а другие билеты были только на утро следующего дня. Я провела неприятный час у билетных касс.

— Извините, мой рейс задержали, и я опоздала на стыковой... Что мне делать? Могу ли я поменять билет? — спросила я по-английски.

Брюнет, глаза которого то и дело норовили нырнуть под верхнее веко (ему стоило больших усилий удерживать их на месте), пообщался с коллегами из соседних окон по телефону и, предположительно, по СМС и, наконец, выдал через губу:

— Поскольку первый рейс делала не наша авиакомпания, я не могу обменять билет. Но вы можете купить другой.

— Хорошо, когда ближайший рейс?

— Завтра в одиннадцать утра.

— А есть ли вылет раньше?

— Нет, не имеется.

— Ближайший рейс в одиннадцать утра, а следующий?

— Сейчас посмотрю, — пауза. — Следующий рейс отправится в час дня.

— Сколько стоит билет на рейс в час дня?

— Четыреста евро. Цена на рейс в одиннадцать утра такая же.

— Отлично, я возьму на час дня, — протягиваю паспорт.

— *Он* тикет? — спрашивает.

— Что, простите?

— *Он* тикет?

— Что значит «*он* тикет»? — не понимаю, чего он хочет от меня. «На билет»? Это какой-то сленг? Что происходит?

— Русская, да? Не говорите по-английски?

— Мы с вами говорили на английском все это время и продолжаем это делать сейчас. Что значит «*он* тикет»? Это какая-то опция или что?

Брюнет наконец закатил глаза полностью. Должно быть, приятное ощущение, сродни тому, когда долго ходишь в тесных ботинках, а потом надеваешь домашние тапочки. Затем он достал смартфон и что-то там напечатал. Через окошко показал мне экран с переводом на русский язык этого «*он* тикет». «*Он* тикет» оказался «ван тикетом». Брюнет спрашивал, нужен ли мне один билет или, может, я хочу купить билет на группу. По одному паспорту.

— Ес, ван тикет, — отвечаю.

— Окей, *он* тикет.

Я купила билет, сгребла курточно-шапочный ворох, ручную кладь и потащилась искать тот самый отель в здании аэропорта, где несколькими часами позже меня и настигнет землетрясение.

И вот уже после землетрясения я ложусь в постель и выключаю ночник. Главное — не проспать вылет, второй встречи с брюнетом я не выдержу.

Не проспала. В одиннадцать стояла у стойки регистрации, а в двенадцать тридцать, как положено, сидела в самолете.

В самолете обычно: душно, нервно, белые пластиковые стены давят на тебя, кроссовки вдруг ста-

новятся тесными, одежда жмет, люди своими руками, ногами, валиками жира с бедер и талии нарушают твои границы.

— Чья это ручная кладь? Я спрашиваю, чья это ручная кладь? — возмущенно чеканит невысокая женщина красным вопрошающим ртом. Ей, очевидно, тоже давит, но не одежда, а чувство несправедливости: кто-то, предусмотрительно пожелавший остаться неизвестным, плотно утрамбовал полку над ее сиденьем своими вещами.

— Ну это просто вообще! — в беспомощной ярости заключает она.

В Мюнхен я лечу на встречу со своим мужем, который гостит там у приятеля. Затем наш путь проходит через Италию, Францию в финальную точку — Испанию, куда я еду работать по приглашению моей подруги Лики. Хотя изначально я планировала ехать в Италию учиться, но мне отказали в визе — об этом я расскажу подробнее чуть позже.

Пожить и поучиться за границей было мечтой детства. Особенно сильным это желание становилось зимой. Серые лица, жидкая грязь, черная пыль, холодотемь, снег, иглами впивающийся в кожу, онемевшие пальцы в перчатках — от климата я была не в восторге. Еще эти чудовищно жестокие американские фильмы, унижающая елка до потолка. А эти рождественские ярмарки и магазины игрушек? Не лучшая история, когда тебе семь, ты живешь с бабушкой в хрущевке и у тебя нет не то что своей комнаты, но даже своей постели. Этот сквозняк из щелей деревянных рам, вечное больное горло, запах щей — это так не похоже на картинку из телевизора,

но я не завидовала, нет, я спасалась мыслью о том, что такие фильмы снимают в павильоне, что это не реальность. Щи еще эти, ненавижу. Знала бы я, что через некоторое время мы с Сашей будем обыскивать город за две тысячи километров в поисках привычных блюд, а улица Чехова, расположенная в другой стране, будет одной из немногих моих отдушин в следующие полтора года. Но сейчас я с энтузиазмом смотрю в будущее.

Самолет шумит сильнее, мы покидаем Стамбул, следующая остановка — Мюнхен.

У меня есть техника по преодолению дискомфорта в полете: я включаю в наушниках что-нибудь жизнеутверждающее, даже агрессивное. Чтобы это дало понять мирозданию, что это не я должна бояться полета, а полет меня. Ну, то есть энергии, заключенной в этой рок-звезде (во мне). Такое метафизическое рассуждение, неважно.

Потом у меня будет еще пара часов, чтобы почувствовать себя писательницей: такое у меня новое хобби. Это логично, потому что первым осознанным объектом зависти в моей жизни были именно писатели.

Я люблю разглагольствовать о том, что за всю свою жизнь завидовала всего пару-тройку раз. Во-первых, это возвышает меня над теми, кто нет, да и позавидует коллеге или подруге по мелочи. Во-вторых, люблю дополнительно пояснить, кому именно я завидую, чтобы все поняли, что перед ними человек высокого духовного полета.

Так вот, первый укол я почувствовала лет в одиннадцать. Это не была зависть в полном смысле слова,

я читала детские фантастические книжки и чувствовала восхищение со щемящим «почему они, а не я». Ну да, все-таки зависть.

По-настоящему же болезненный укол я почувствовала, когда мне было около шестнадцати. Я пришла в кинотеатр смотреть «Интерстеллар». Вот там меня просто расплющило по креслу, не помню, как пережила титры. Страдала два дня из-за того, что одни люди «вон че», а другие — бездари вроде меня.

В третий раз это случилось не так давно из-за моей подружки Маши. Она посоветовала мне роман в жанре фэнтези, чтобы отвлечься от ковида, так сказать, «занырнуть в книгу». Но тут уже зависти было не так легко до меня добраться. Я читала книгу с мыслью: «Такое реально сделать самой». То есть благоговейный трепет перед мастерством популярных писателей меня покинул.

Идея стать писательницей казалась мне беспроигрышной. Ты успешный писатель — отлично. Не получается? Что ж, разыгрываешь карту непризнанного гения, и неважно, кто что по этому поводу думает.

Писательство не было первым серьезным желанием реализоваться. Я училась на кондитера, полтора сезона играла в гольф (говорят, там можно прославиться даже в тридцать), сменила четыре профессии. На последней работе в известной IT-компании предполагалось, что мы с командой единомышленников будем создавать будущее по будням с 10:00 до 19:00 с часовым перерывом на обед. И поначалу так и было: меня увлекала эта дорога от младшего к ведущему специалисту, да и сама работа нравилась —

я проектировала образовательные программы для IT-специалистов.

Но еще больше мне нравилась принадлежность к людям, которые знают, что делают, хотя бы восемь часов в день. Это даже помогало моему личному счастью, но недолго: эффект сравним разве что с браком. Эйфория и от того, и от другого длится год-два, не больше, это вроде научный факт, там что-то связано с гормонами.

После того как в один из дней мне пришло сообщение: «Можешь сейчас подключиться ко встрече?» во время поглощения обеденного бутерброда над клавиатурой (отвечала на рабочие сообщения), я уволилась. Проработала там три года.

Моя бабушка говорила о людях подобного склада: «В поле ветер, в жопе дым». Но некая дама-социолог придумала термин поизящнее: «люди-сканеры» — те, кто как бы сканирует кучу сфер и в итоге остается у разбитого корыта. Лекарства от этого я пока не придумала, поэтому кручусь как флюгер.

Идею писательства, как и любое новое увлечение, я восприняла с энтузиазмом. Даже припомнила какую-то историю из детства, когда клеила книгу из альбомных листов А4. Так и написала на ней: «Книга», а старшая девочка попросила посмотреть и криво вывела на ней «жизни» — под мои крики. Хотела стать писательницей с детства, получается.

На сегодняшний день я написала половину романа про желтоглазых русалок, змееоких гидр и прочих созданий, но продолжать его не спешу, потому что когда перечитываю — от инфаркта в приступе стыда спасает только то, что в этом литературном

туде не поет никакой минерал. Но в тот момент я была преисполнена восторга от своей задумки, и дала почитать первую главу подружке Маше.

— Я надеюсь, что подруга главной героини не полностью списана с меня... Потому что вот эта, знаешь ли... ее наивность раздражает! Я бы не сказала, что я наивная. Я бы, конечно, не имела всего того, что у меня есть, к двадцати семи годам, если бы была совсем как она. Может быть, такой, как она, я была в пятнадцать... — Маша рецензировала голосовым сообщением, гордясь тем, что она имеет к двадцати семи годам, а гордиться было чем: карьерой в журналистике, финансовой помощью родителям, родственникам, кошкам и много кому еще.

В тот год мы снимали небольшую квартиру недалеко от центра Москвы, она была тихой и пахла солнечным теплом, а я ходила кругами по комнате и держала телефон возле уха. Зашла в ванную: надо помыть раковину.

— Ну, ей семнадцать! Переборщила, думаешь?

— Ну-у-у...

— Ну списана она не полностью. Никто не сможет списать человека один в один, даже если этот человек — ты сам.

— Слушай, ну мне понравилась глава...

— Не ври, даже мне она не понравилась, — одной рукой записываю голосовое, второй тру белую раковину желтой губкой.

— Протестую! Ты — одна из самых талантливых женщин, что меня окружают!

— Да, но не настолько талантлива, как те, которые пишут рассказы про смерть и страдания. Вот

они талантливы по-настоящему, наверное. Чертовы чернушники, конъюнктурщики или кто они... — это я про свой опыт посещения литературных курсов, где ментор отмечал только рассказы про страдания и смерть.

— Те, кто пишет про смерть и страдания, опираются на смерть и страдания, а ты опираешься на свет! Это меня всегда в тебе восхищало. Ты находишь свет во всем. Это настоящая сила!

Неприятная горечь растекалась под языком, раковина засияла чистотой. Маша продолжала:

— Блин, мы живем в России! У нас коллективный код — страдание! Что больше всего меня бесит. Не поддаваться этой фигне — это огромная сила! Радоваться, несмотря на все, — это сила. Твоя сила в том, что ты не сдаешься, ищешь и идешь вперед.

Хорошо, пусть Маша думает обо мне так, какими бы странными ни были ее фантазии. Странная она все-таки.

Захожу в комнату, смотрю на паутинку собачьей шерсти, покрывающей желтый паркет-елочку. Надо вычесать Вилли. Саша, сидящий за столом, поворачивает голову:

— Ты в ванной была? А что такая красная? У тебя расстройство, что ли?

Взяла щетку с комода, села на пол, чешу. Ответила, что не понимаю смысла жизни. Все равно выше головы не прыгнешь, а каждую минуту каждого дня осознавать свое ничтожество — то еще удовольствие. Для людей нашего круга есть только одна роль и одно предназначение — работать, а конец для всех один — драматический. Как в тех самых рассказах